

За годы сделаны дела столетий...

Журнал «Народное
просвещение»

в 1927–1937 годах

КАК МЫ УЖЕ ВИДЕЛИ, НАСЕЛЕНИЕ СССР УВЕЛИЧИВАЕТСЯ НА 3 С ЛИШНИМ МИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК В ГОД. НА СТОЛЬКО ЖЕ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ЕЖЕГОДНО И ЧИСЛО ШКОЛЬНИКОВ. НЕ ВХОДЯ В ДЕТАЛИ КУЛЬТУРНОГО СЕКТОРА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫДАЮЩЕЕСЯ МЕСТО В РЯДУ ДРУГИХ ОБЛАСТЕЙ ЖИЗНИ СССР (ПРОСВЕЩЕНИЕ СЕЕТСЯ ЩЕДРОЙ РУКОЙ, ПРОНИКАЕТ ВО ВСЕ УГЛЫ; КАЖДЫЙ ЗАВОД — ЭТО КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР, КАЖДАЯ КАЗАРМА — ШКОЛА, КАЖДАЯ ФАБРИКА — ФАБРИКА НОВЫХ ЛЮДЕЙ), СКАЖЕМ ТОЛЬКО, ЧТО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ОБУЧАЕТСЯ ЗА СЧЁТ ГОСУДАРСТВА 60 МИЛЛИОНОВ УЧАЩИХСЯ (В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ИЗ КАЖДЫХ 3 ЧЕЛОВЕК — ОДИН УЧИТСЯ). НЕСКОЛЬКО ДАННЫХ НА ВЫБОРКУ ПО РЕСПУБЛИКАМ: В ТАТАРИИ В 1913 ГОДУ БЫЛО 35 УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, А В 1933 ГОДУ — 1730; СРЕДИ ЧЕРКЕСОВ (ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ) БЫЛО В 1914 ГОДУ 94% НЕГРАМОТНЫХ — ТЕПЕРЬ НЕ ОСТАЛОСЬ НИ ОДНОГО: 0%. В 1931 ГОДУ ДАГЕСТАН НАСЧИТЫВАЛ В 26, А КАЗАХСТАН — В 38 РАЗ БОЛЬШЕ ШКОЛ, ЧЕМ В 1914-М. В СССР КУЛЬТИВИРУЕТСЯ 70 ЯЗЫКОВ. 20 БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ ПОЛУЧИЛИ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СВОИ АЛФАВИТЫ.

Расходы по народному просвещению выросли в Советском Союзе на 20% против предыдущего года, тогда как в Англии снизились на 11 700 000 фунтов стерлингов; в Германии соответствующая цифра последовательно упала с 690 миллионов марок в 1930 году до 590 — в 1931 году и 570 — в 1932 году (а всего с 1926 года кредиты на народное просвещение снижены в Германии на миллиард марок). В Северной Америке школы пустеют. В Швейцарии и США начинают интересоваться проблемами детской беспризорности.

Анри Барбюс.

«Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир»

Да, это Анри Барбюс. Мы ещё вернёмся к этому французскому писателю, побывавшему в СССР и глубоко прочувствовавшему атмосферу эпохи великого перелома. Эпохи, рождавшей марши энтузиастов: «Здравствуй, страна героев! Страна мечтателей, страна учёных!»... Подобные лозунги должны были стать и камертоном для Наркомата просвещения, для нашего журнала, сохранявшего своё первое послереволюционное название — «Народное просвещение».

1

Фотомонтаж для специального выпуска журнала «СССР на стройке», посвящённого строительству Днепрогэс. Худ. Эль Лисицкий. 1932 г.

Итак, в 1927 году были подведены итоги первого десятилетия существования журнала «Народное просвещение» в советской стране. Как это водилось, в юбилейные дни деятельность журнала осмыслили и переосмыслили, определяли новые задачи на будущее, принимали «встречные планы». Очень скоро оказалось, что принципы образовательной политики журнала «Народное просвещение» действительно нуждаются в коренном пересмотре. Перед страной вставали новые задачи. Они кратко выразились в трёх понятиях — как некогда идеология николаевской России, определённая гр. С.С. Уваровым в нашем журнале: «Православие. Самодержавие. Народность». Теперь звучали другие слова: «Коллективизация, индустриализация, культурная революция». Кстати, лозунг «За культурную революцию!» первым провозгласил с высокой трибуны Лазарь Моисеевич Каганович — соратник Сталина, для которого период индустриализации стал пиком политической влиятельности. В то время Каганович в Политбюро курировал и культуру, вызывая язвительный смех изгнанного из СССР Троцкого. Каганович был в то время, пожалуй, самым энергичным и последовательным исполнителем воли И.В. Сталина. И в журнале «Народное просвещение» (с 1931 года — «Коммунистическое просвещение») имя Кагановича теперь стояло рядом с именем Сталина, на Кагановича ссылались, его лозунгами боролись за реформы в образовании. Сталин же определил необходимость рывка словами, сочетавшими революционное презрение к истории царской России и курс на созидание новой государственности. В те годы их повторяла вся страна: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы

будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было убито и чтобы оно потеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил во время Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹. Позже Сталин более уважительно будет отзываться об истории дореволюционной России, но в этих словах выражен взгляд конца 20 — начала 30-х годов. Борьба с отсталостью (Сталин любил повторять, что отсталых — бьют) станет лейтмотивом и образовательной реформы 30-х годов, и всей культурной революции.

«Коллективизация, индустриализация, культурная революция!» И снова пропагандистский лейтмотив эпохи напрямую связан с просвещением. Да и разве возможна национальная идея, не связанная с самой почвой национального самосознания — со школой? И для Уварова, и для идеологов сталинского времени это обстоятельство, разумеется, не было секретом. Отметим, что суть коллективизации как культурного феномена была тесно связана с образованием: пропагандировалось обретение деревней элементов технического прогресса. В село пришли «чудеса». Эту праздничную атмосферу прекрасно передал поэт Михаил Исаковский в своём всенародно известном стихотворении того времени:

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;
Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда.
Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне;
Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Кто выкинет слова из этой песни? Лениность умов порождает однозначное восприятие коллективизации как абсолютного зла, всенародной трагедии раскулаченных и ссыльных. Урок реальной истории намного сложнее. Просто не нужно проходить мимо поэзии Исаковского, мимо «Страны Муравии» Твардовского, мимо шолоховской «Поднятой целины» и сталинского «Головокружения от успехов».

Основным решением по внедрению «новой триады» было принятие в 1929 году первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Символично, что в том же 1929 году А. С. Бубнов возглавил Наркомпрос. Для новых дел требовались новые герои, новые исполнители.

То был период утверждения власти Иосифа Виссарионовича Сталина — Генерального секретаря ЦК партии с 1922 года, по словам Ленина, ещё тогда «сосредоточившего в своих руках необъятную власть». К концу 20-х годов Сталин всё твёрже стал выдвигать свою концепцию строительства социализма, включавшую и пересмотр образовательной политики, и пересмотр идеологии. Уходила в прошлое «новая экономическая политика» с её «весёлой» моралью, не шедшей на пользу делу просвещения. Виды на мировую революцию вытеснялись из актуальной идеологии созидательным пафосом строительства советского государства.

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Партиздат, 1933.

В истории журнала мы остановились на 1927 году. Вот что писал об этом времени Анри Барбюс:

«Новейший период русской революции. Период Пятилетнего плана 1928 года. Единственный в мире народ, народ изумительно новый, народ, не похожий на другие народы, — бросается в бой против стихийных сил. Настало время электрификации, задуманной ещё в годы бурь и разрухи. План, охватывавший годы 1928-1932, и в конце 1932 года, четыре года спустя, уступивший место новой Пятилетке, потому что в этот момент его уже можно было считать выполненным, — этот план распространялся и на город, и на деревню. Развитие промышленности — огромный скачок вперёд — и победа социализма в деревне. (Два огромных живых вопроса, соединённых друг с другом пуповиной — и мощным костяком машин.) Россию, которая всегда тащилась в хвосте мировой промышленности, надо было сразу выдвинуть вперёд и сделать насквозь социалистической. Припомним, как определил необозримые основные задачи Сталин: дело идёт о том, чтобы превратить отсталую Россию в технически современную страну, чтобы не зависеть от капиталистических стран, чтобы советская власть была крепка и социализм мог победить, чтобы стала возможной ликвидация кулака и переход от мелкого, частнособственнического сельского хозяйства

к коллективизации сельского хозяйства, чтобы обеспечить военную оборону. И это строительство в одной стране должно было обойтись без иностранного капитала».

Как видите, проблематика очень актуальная и для сегодняшнего дня. Ведь и сейчас на повестке дня стоит вопрос: будет ли у нашего государства амбициозная просветительская программа или мы превратимся в «сырьевой придаток» без внешнеполитического суверенитета, но с интеллектуально деградирующим обществом? Именно в канун 30-х годов очень многие в нашей стране осознали необходимость комплексного развития просвещения, промышленности и армии. Вопрос стоял остро: это было развитие во имя сохранения государства, культуры, народа; приходилось перенапрягать силы и пробуждать в обществе энтузиазм.

Уже в первое десятилетие существования журнала под названием «Народное просвещение» не раз вставал вопрос о перестройке работы печатного органа Наркомпроса, о решительных реформах в журнале. Такова была специфика времени: общественное движение тогда ещё не обрело консервативного постоянства. Становление новой жизни было болезненным, и в середине 20-х годов разговоры о всяческих «перестройках» уже вызывали улыбку. Но накануне великого перелома журналу, как и всей стране, предстояло пройти через серьёзные и решительные метаморфозы, о «дежурных» обещаниях реформ вскоре забыли.

В 1929 году вся коллегия Наркомпроса была подвергнута жестокой критике. А.В. Луначарский был вынужден уйти в отставку, внешне выглядящую вполне почётной. Новым наркомом просвещения стал Андрей Сергеевич Бубнов (1884–1938). Ему, человеку суровой, трагической судьбы, было суждено сыграть важнейшую роль в новом десятилетии истории журнала. Педагогическая общест-

венность, успевшая привыкнуть к яркому оратору и литератору Луначарскому, с тревогой восприняла весть о новом назначении. Нередко и сейчас деятельность А.С. Бубнова на посту наркома просвещения оценивается однобоко, в стиле привычных для современного читателя ярлыков. Вот как характеризует Бубнова одна современная энциклопедия:

«Провёл реформу советской школы, превратив её в послушное орудие коммунистической идеологии в ущерб фундаментальным знаниям. А.С. Бубнов был одним из первых авторов работ по истории коммунистической партии и одним из первых положил начало фальсификации истории, подстраивая её под требования идеологии».

Вот так — не больше и не меньше. Мы постараемся судить о наркоме, отринув стереотипы.

Итак, Андрей Сергеевич Бубнов. Бывший профессиональный революционер, предложивший в июле 1917 года взять под контроль большевиков телеграф и почту. После революции возглавил Политуправление Рабоче-крестьянской Красной Армии. А.С. Бубнов не имел ни литературной славы, ни педагогического опыта, ни законченного высшего образования. Он родился в одном из самых пролетарских и потому революционных городов России — в Иваново-Вознесенске. В 1903 году окончил реальное училище. В двадцатилетнем возрасте Бубнов поступил в Московский сельскохозяйственный институт, проучился там четыре года и в 1908 году был исключён за нелегальную деятельность. В то время будущий нарком уже примыкал к большевикам. В октябре 1917 года А.С. Бубнов — член Политбюро ЦК, но это лишь эпизод в его карьере. В 1917—1924 годах Андрей Сергеевич Бубнов работает в партийном аппарате северной столицы, затем его переводят в Москву, в помощь к наркомвоенмору Михаилу Васильевичу Фрунзе. Именно тогда — с 1924 по 1929 год — Бубнов возглавлял Политуправление армии, был членом Реввоенсовета СССР. На этом посту он зарекомендовал себя хладнокровным и решительным руководителем.

На такие молодые кадры в то время и сделал ставку Сталин. В 1926 году умирает Фрунзе, и на похоронах старого соратника Сталин произносит слова: «Товарищи! Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно и понадобилась ещё одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто подымаются наши молодые товарищи на смену старым». А.С. Бубнов, несомненно, был одним из «молодых товарищей», которые «подымаются», пусть не легко и просто, но верно. С его помощью Сталину удалось провести первую чистку в Красной Армии, в результате которой было устранено влияние Троцкого в вооружённых силах. Бубнов — способный оратор — был «рупором» Сталина в его борьбе за РККА.

В 1929 году Бубнов с чувством выполненного долга оставляет Красную Армию на попечение Ворошилова, Тухачевского и Гамарника (именно Я.Б. Гамарник сменил А.С. Бубнова на посту начальника Политуправления РККА²) и становится полноценным членом советского правительства — наркомом просвещения. Для научной и педагогической общественности это назначение было неожиданным — в Бубнове видели чуть ли не солдафона! Но вскоре все почувствовали деловую хватку одного из железных наркомов. Энергичный, вникающий во все проблемы, способный работать чуть ли не круглые сутки, Бубнов быстро заработал авторитет в своей администрации. Подобно многим руководителям 30-х годов, он

А.С. Бубнов

² В 1929 году и Ян Борисович Гамарник был для Сталина одним из перспективных «молодых товарищей». Так, на ноябрьском пленуме 1929 года именно он стал рупором Генерального секретаря в борьбе с правой оппозицией: «Мы не можем терпеть, чтобы в рядах нашего Политбюро находились люди, которые мешают нашей борьбе, которые путаются между ног, которые объективно защищают классового врага». Таким образом, и в РККА, и в Наркомпросе были поставлены люди, готовые решать новые задачи страны — проводить индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Армия и просвещение были полями генеральных сражений за новый могущественный Советский Союз. Сражения эти оказались кровопролитными, но победными.

умел учиться, умел приспосабливаться к ситуациям и в поразительно короткие сроки стал вполне компетентным наркомом могущественного ведомства. Сегодня уже можно утверждать, что в XX веке никто не сделал для поднятия авторитета учительской профессии больше, чем Бубнов. Сейчас подобных ему людей называют «крепкими менеджерами». Но в русском языке найдутся и более уместные слова для этого типа людей — талантливые управленцы, администраторы, наконец, руководители, беззаветно

служащие делу. Беспощадные и к себе, и к другим, они верили в спасительную силу рывка, верили в Сталина и поставленную им задачу — за десять лет пройти путь, который другие государства проходят за столетие. Воспитанные на культе просвещения, они умели «схватывать на лету» любую конкретную задачу.

В первые годы бубновского правления в нашей стране процветали идеи политехнической, трудовой школы. Так называемая учебная школа была признана анахронизмом, классово чуждым советскому народу. Тот, кто ждал «отмирания государства», как правило, надеялся и на «отмирание учебной школы». Бубнов был неумолимым проводником этой программы, считая, что именно в трудовых школах вырабатывается новый человек.

Но обстановка в стране менялась. Эпоха экспериментов ушла в прошлое. Требовалось более бережное отношение к опыту, накопленному веками, необходимо было создать условия для созидательной политики «собирая камни». Очень модным стало «освоение классического наследия» — не в последнюю очередь и в педагогике. И Бубнов воспринял перемены в настроениях элиты и планах Сталина с цепкостью хорошего службиста. Он стал рьяным сторонником учебной школы — заложил её основы, не утраченные и по сей день. Именно распоряжением Бубнова были утверждены учительские ставки: 18 часов (20 — в классах начальной школы). Нарком разъезжал по стране, открывая новые учебные заведения, вслушиваясь в просьбы «товарищей с мест», стараясь глубже постичь фактуру своего хозяйства. А поворот к

учебной классической школе произошёл в 1931 году. И начался он с дискуссии, которая могла показаться внутривнутрипартийной.

В сентябре 1931 года в печати опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе». Это был партийный, а не правительственный документ, и аппарат Наркомпроса не имел отношения к его созданию. Постановление стало одним из поворотных сталинских постановлений, после которых менялась судьба целых отраслей хозяйства, изменялось само русло идеологии. В нём звучал неумолимый руководящий и направляющий глас. В этом постановлении отмечались недостаточный объём общеобразовательных знаний выпускников школ и неудовлетворительная подготовка учащихся к высшей школе; были подвергнуты резкой критике научно-педагогические основы школьного обучения, названные «слепым отпечатком буржуазно-классовых педагогических теорий Западной Европы и Америки»; осуждались теория «отмирания школы», метод проектов и т. д.; указывалось на грубейшее извращение идей политехнической школы при отрыве политехнизма от прочного усвоения основ наук и

Логотипы
книжных
издательств

прежде всего физики, химии, математики; их преподавание предлагалось вести по тщательно разработанным программам, по строго установленному расписанию. Планирование входило в моду и не могло не войти в школьный обиход. Кроме того, отныне труд объявлялся не только целью, а и средством обучения и воспитания. Для занятий трудом предлагалось создавать в школах мастерские, рабочие комнаты. В дополнение к уже накопленному в советской школе опыту формулировалось отношение к развитию принципов коллективизма, указывалось на необходимость мотивации социалистическим соревнованием. Разумеется, в программе пропагандировался атеизм, подчёркнуто игнорировались религиозные праздники. Впервые большое значение стали придавать военно-патриотическому воспитанию.

Отныне эта задача будет неукоснительно ставиться в советской школе. Программы, созданные в Наркомпросе после партийного постановления, были рассмотрены в ЦК ВКП(б) — таким образом осуществлялся принцип партийного руководства образованием. В целом бубновские программы получили положительную оценку ЦК, но не обошлось и без замечаний. Недостатки новых программ были отмечены в новом постановлении ЦК «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 года.

В партийных постановлениях тех лет соблюдалось правило: отрицаешь — предлагай. И коллективный ум ЦК предлагал очень простые и логичные правила: считать урок основной формой организации работы в школе; повышать дисциплину в учебных заведениях, конкретизировать ответственность учителя за преподавание своего предмета, ученика — за свою успеваемость. Предлагалось также организовать систематический индивидуальный учёт знаний учащихся. Популярный с середины 20-х годов бригадно-лабораторный метод обучения был осуждён за снижение роли учителя и обезличку в учебной работе. Всё это показывает, что повышение эффективности образования должно было достигаться надёжным и проверенным способом: усилением авторитаризма. А тот же бригадно-лабораторный метод обучения отныне мог применяться в локальных случаях, по запланированному замыслу педагога.

Вот она, железная логика партийных постановлений! И нарком А.С. Бубнову приходилось следовать партийной дисциплине куда чаще, чем дисциплине правительственной. ЦК ВКП(б) оставался локомотивом реконструкции советской школы, и руководящие постановления продолжали выходить. Очередное было посвящено содержательной основе школьных программ и называлось «Об учебниках для начальной и средней школы». Незадолго до этого постановления в Наркомпросе возобладала идея «школы без учебников». Так, в циркуляре Отдела единой школы Наркомпроса РСФСР указывалось, что «учебники вообще должны быть изгнаны из школы». В марте 1930 года на Коллегии Наркомпроса было признано «невозможным в настоящий момент придерживаться принципа стабилизации учебников». Новый курс на повышение основательности образования не сочетался с этими авантюристскими идеями, и ЦК в который раз поспешил откорректировать работу правительственного ведомства: линия Отдела по созданию учебников Наркомпроса была признана неправильной. Констатировалось, что советской школе учебники нужны и что в их создании тоже необходимо держаться строгой авторитарной вертикали. До этого каждый край, область и автономная республика могли выпускать свои учебники и этот процесс не вполне контролировался Наркомпросом. Отныне утверждалось, что по каждому предмету должен существовать единый учебник, утверждаемый Наркомпросом и издаваемый Учпедгизом. В постановлении предлагалось обеспечить издание по основным школьным дисциплинам единых учебников, рассчитанных на использование их в течение ряда лет.

В мае 1934 года вышло ещё одно «судьбоносное» (по выразительному слову позднейшего времени) постановление ЦК: «О структуре начальной и средней школы в СССР». В этом постановлении, на этот раз согласованном с ведомством Бубнова, утверждалась единая структура общеобразовательной школы-десятилетки: начальная школа (1–4-е классы), неполная средняя (5–7-е классы) и средняя (8–10-е классы).

8 СБЛИЖИТЕСЬ К СОВРЕМЕННЫМ ВИДАТЕЛЕМ

4 ВОЛГА ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА

12 В. И. ДАВЫДОВ

9 РРР

14 В ГОД ИЗДАНИЯ

24 КНИГИ

24 СОБРАНИЯ

ГЮ И ДЕ

КНИГИ 24

СОЗНАНИЯ

МОЩАНА

ПОД ПИСОМ

УСЛОВИЯ ПОДПИСИ НА 1-й АБОМЕНТ

УСЛОВИЯ ПОДПИСИ НА 2-й АБОМЕНТ

30 дней

МАСТЕРСТВО ВАШИХ

ЖУРНАЛИСТИЧЕСКИЙ

Реклама библиотеки журнала «30 дней». 1928 г.

Букварь
Учпедгиз
1933 г.

В 1936 году вышло постановление ЦК, критикующее работу Наркомпроса, с характерным названием: «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Это постановление завершало идеологическую базу школьной реформы, восстанавливающей по замыслу её авторов авторитет педагога. Резкой партийной критике была подвергнута тестовая система контроля знаний учащихся. По сути дела, постановление уничтожало развитие советской педологии, ставившей в центр педагогической деятельности ребёнка. Суровый закон тех лет гласил: кто не с нами — тот против нас. И если научное направление признавалось чуждым, то его развитие должно было прерваться. А ведь у советской педологии с начала 20-х годов было к тому времени уже немало реальных достижений! Лес рубили — щепки летели.

Результаты реформ отслеживались «с пылу, с жару»: каждый шаг тут же проверялся на эффективность. Реализация партийных постановлений повсеместно повысила качество обучения и уровень грамотности учащихся. Производственная школа сходилась на нет. Программа по русскому языку и литературе приблизилась по уровню сложности к гимназической, что, учитывая широкую демократизацию среднего образования по сравнению с царской Россией, было огромным достижением. Конечно, на преподавание гуманитарных дисциплин влиял принцип партийности — как же без него? С 1935 года русский язык в школах стал ведущим учебным предметом. На научные рельсы поставили и дисциплину «родной язык», сохраняющую и развивающую национальные культуры в СССР и РСФСР.

Вернёмся к началу 30-х годов. С 1 января 1932 года предлагалось перейти на новые программы, в которых следовало отразить «точно ограниченный систематизированный круг знаний». Нарком А.С. Бубнов неукоснительно выполнил это задание партии. Более того, можно предположить, что он имел отношение не только к реализации, но и к замыслу этой реформы. В объяснительной записке к новым программам прежние объявлялись «политически выхолощенными». Главной воспитательной задачей школы провозглашалось «всестороннее гармоническое развитие личности ребёнка». В прежних программах акцент ставился на воспитание «строителей коммунистического общества».

Чрезвычайно любопытен сам факт назначения наркомом просвещения выходца из высшего руководства Красной Армии. Многим были памяты назначения министрами просвещения царских генералов и адмиралов. Шишков, Путятин, Ванновский, Глазов... За них, как за соломинку, хватались, когда ситуация в образовании становилась взрывоопасной. История вновь повторилась. Конечно, Бубнов никогда не был боевым генералом, но в те годы в руководстве Красной Армии мало кто мог похвастать истинно офицерской судьбой. Ясно одно: он был человеком, привыкшим к армейской дисциплине, к армейской жёсткости централизованного управления.

Перейдём к «трудам и дням» журнала. Итак, в 1929 году Бубнов возглавил Наркомпрос. Каковы же первые мероприятия нового руководства? Оно приступило к... чистке Наркомпроса. К первой

бубновской чистке (жертвой последней чистки этого ведомства падёт сам А.С. Бубнов). В итоге за два года чистки аппарат Наркомата просвещения сократился до 355 человек. Для сравнения: в 1925–1926 годах его численность была в двадцать (!) раз больше. И передовая статья второго номера журнала «Народное просвещение», написанная Я. Бауэром, называлась почти идилично: «Первые итоги чистки Наркомпроса». Эта статья — образец многозначительного языка эпохи. Неподготовленному читателю её стиль может показаться пародийным, но следует учитывать накал политической борьбы, характерный для тех лет. Да, это был «новояз» — язык ритуальных заклинаний, используемых для решения всё тех же магистральных задач: повышения градуса энтузиазма и усиления атмосферы страха. Всё, что мешает созидательному развитию государства, должно быть уничтожено — вот пафос основных участников публицистической борьбы.

Лучшим мастером и стилистом такой публицистики был И.В. Сталин. Публицист Я. Бауэр подражал стилистике вождя. В его статье постоянно повторяются слова: «чистка», «вычищены», «вычистить». Бауэр явно любит хлестким смыслом этих слов и собственным полемическим темпераментом. Он утверждает: «Аппарат до чистки был бюрократическим, разбухшим и напоминал аппарат 1918–1919 годов. Задача чистки — поставить работу в Наркомпросе так, как поставлена работа на заводе. Если взять любой завод, то технически обслуживающий его персонал составляет 18%, остальные 82% — рабочие у станков. По этому же принципу должен быть построен всякий государственный аппарат, и Наркомпрос в частности. Чистка должна настолько рационализировать Наркомпрос, чтобы в нём побольше было оперативных работников, чтобы каждый из них отвечал за свои функции, чтобы в нём было как можно меньше работников, не занятых непосредственно на производстве». И завершалась статья скромно-многозначительным замечанием: «Таковы первые итоги чистки Наркомпроса». «Первые итоги» — звучало угрожающе...

Конечно, демонтаж структур управления, не способных к созидательной работе, был насущной необходимостью того времени. Но журналисты освещали эти «чистки» с излишней, неприятной истеричностью. Автор передовой в «Народном просвещении» Я. Бауэр не был здесь исключением.

В журнале заметно уменьшилось количество научных публикаций. Всё дальше «Народное просвещение» уходило от традиций «Журнала Министерства Народного Просвещения». Статьи управленцев (по сути — дилетантов в педагогической науке) занимали почти весь объём журнала. Их дополняли аналитические обзоры состояния образовательной политики в том или ином регионе. Как правило, это были дельные, информационно наполненные, полезные сообщения. Так, во втором номере за 1930 год мы видим статью А. Васильева «Саратовский опыт. В походе за всеобуч» и статью Ивана Наумова «Как руководители Архангельского медицинского техникума скатились в правооportunистическое болото». В четвёртом номере за тот же год помещены любопытные статьи Д. Авксентьевского «В Центральнoчернозёмной области введено всеобщее обучение» и Г. Холмского «Классовая борьба в деревне и участие в ней учителя и школы». Подобные статьи позволяли читателям журнала быть в курсе жизни разных регионов, разных учебных заведений, в которых происходят любопытные коллизии. В подобных статьях перед читателем предстаёт и галерея портретов педагогов, учеников, энтузиастов образования из разных уголков страны. Корреспонденции с мест — пожалуй, самое интересное направление журнала в 30-е годы. В ходе коллективизации всё чаще появлялись статьи, связанные с ролью просвещения в этом процессе, публикации о жизни на селе.

Облик журнала,
разработанный А.С. Родченко
1928 г.

Облик журнала в 20 – 30-е гг.
непрерывно менялся. «Народное
просвещение» в 1930 году

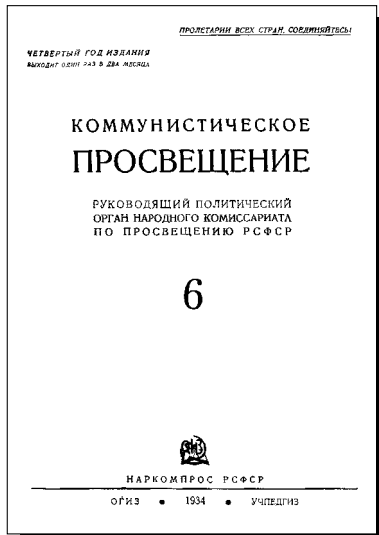
Регулярно продолжает выступать в журнале и его главный редактор М.С. Эпштейн — человек команды Луначарского. В том же номере «Народного просвещения» помещена его статья «Школы коммунистической молодёжи — в авангард колхозного движения». В четвёртом номере за 1930 год мы встречаем программную работу Эпштейна «Об основных проблемах педагогического образования», в девятом номере — сразу две публикации главного редактора: «Боевая задача» и «Смотр начального образования». После объединения журнала «Народное просвещение» с журналом «Коммунистическое просвещение» и создания объединённой редакции, возглавленной А.С. Самохваловым, деятельность Эпштейна в журнале пойдёт на спад. Но в первом объединённом номере его статья «1931 год — решающий год культурной революции» ещё стояла на почётном месте — сразу после официозной передовой «Решения декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и наши задачи».

Журнал «Коммунистическое просвещение» (впервые под таким названием он вышел 5 января 1931 года) был аттестован как «руководящий орган Народного комиссариата просвещения РСФСР». Объединение журналов было санкционировано руководством Наркомпроса. Слияние началось в последний квартал 1930 года, после того как был приостановлен выход «Народного просвещения». Журнал «Коммунистическое просвещение» до слияния был органом Сектора массовой политпросветительской и школьной работы Народного комиссариата просвещения РСФСР. Его название и дало имя объединённому журналу, который продолжил историю нашего издания, начавшуюся в 1803 году.

В первом номере объединённого журнала «Коммунистическое просвещение», кроме публикаций старых сотрудников «Народного просвещения» М.С. Эпштейна, Н.К. Крупской («О массовой работе в колхозах и совхозах»), А.А. Ширямова («МТС — опорные базы культурной революции»), М.А. Алексинского («Культурная революция и педкадры») и И.А. Переля («Урал на фронте всеобуча и ликбеза»), печатается статья Андрея Януарьевича Вышинского (1883–1954) «Контрреволюция перед судом пролетарской общественности». Это было первое, но не последнее выступление Вышинского в нашем журнале и есть смысл поговорить об этом авторе подробнее.

А.Я. Вышинский остался в истории как обвинитель на процессах, проходивших во второй половине тридцатых годов и направленных против старых большевиков. Вот что пишет о Вышинском один современный публицист-коммунист: «Бывший меньшевик, враг большевизма и Октября, требующий голов вождей большевизма и Октябрьской революции. Это ли не символ! Этим одним не сказано ли больше, чем всеми речами и резолюциями? Вышинский-то уж наверно хорошо себя чувствовал в качестве термидорианского мстителя большевизму». Такие страсти кипели и кипят вокруг личности Вышинского уже 70 лет.

Кем же был этот человек, похороненный на Красной площади, в кремлёвской стене? Родился в Одессе, окончил юридический факультет Киевского университета. В 1903 году, по тогдашней молодёжной моде, вступил в социал-демократическую партию — примкнул к меньшевикам. «Меньшевистского прошлого» Вышинскому никогда не забывали, как не забывали и другого: до революции Андрей Януарьевич работал в Москве, в должности помощника присяжного поверенного, а затем в качестве председателя одной из московских районных управ. Показал он себя грамотным юристом и горячим полемистом с развитым даром убеждения. В должности председателя районной управы его и застала революция. Характерно, что в июле 1917 года хорошо приспособившийся к ситуации А.Я. Вышинский издал приказ о розыске и аресте В.И. Ленина, если тот появится в подведомственном ему районе. Занимался А.Я. Вышинский и преподавательской деятельностью, а после 1917 года стал одним из красных профессоров Московского университета. В 1920 году он вступает в ряды партии большевиков, уже не сомневаясь в том, что советская власть пришла «всерьёз и надолго». Профессор юридического факультета, он занимается и общественной деятельностью — его карьера не стоит на месте.

В 1925 году А.Я. Вышинский становится ректором Московского университета, получая статус одного из лидеров советского образования. На посту ректора он прослужил до 1928 года и за это время сблизился с руководством Наркомпроса. С этого времени карьера Вышинского развивается по двум линиям: просвещение и практическая юриспруденция. С 1923 года он служит также в Верховном Суде РСФСР, а в 1928 году, оставив пост ректора МГУ, входит в коллегию Наркомпроса, в составе которой работает до 1931 года. В этом качестве А.Я. Вышинский и выступал со статьями в журналах «Народное просвещение» и «Коммунистическое просвещение». К тому времени ему уже довелось участвовать в громком Шахтинском деле 1928 года в качестве председателя специального судебного присутствия Верховного Суда. В 1931 году А.Я. Вышинский уходит из Наркомпроса в Наркомат юстиции заместителем наркома. В 1933–1935 годах он был заместителем Прокурора СССР, а с 1935 по 1939 год, в пик репрессий — Прокурором СССР. В 1939–1944 годах А.Я. Вышинский работал заместителем Председателя Правительства СССР, Совета Народных Комиссаров (до 1941 года Председателем СНК был В.М. Молотов, с 1941-го — И.В. Сталин). В 1940–49 годах А.Я. Вышинский был также заместителем наркома (министра) иностранных дел В.М. Молотова. В 1949 году он сменил Молотова на посту министра иностранных дел и возглавлял это важнейшее ведомство до марта 1953 года, до смерти Сталина. После смерти вождя понадобилось усиление ведущего министерства и «железный канцлер» Молотов был возвращён на свой пост. Вышинский остаётся его заместителем и постоянным представителем СССР в ООН. А.Я. Вышинский скоропостижно умирает в Нью-Йорке в ноябре 1954 года.

Для историков, юристов и политологов несомненный интерес представляют книги А.Я. Вышинского: «Курс уголовного процесса» (1927 г., в соавторстве с В. Ундервичем), «Судоустройство в СССР» (1939 г.), «Теория судебных доказательств в советском праве» (1941 г.), «Вопросы теории государства и права» (1949 г.) и др. Он был интересной личностью, достойной отдельного психологического портрета. Современный исследователь процессов 30-х годов генерал-майор Михаил Степанович Докучаев пишет о А.Я. Вышинском: «В дополнение к большому практическому опыту Вышинский обладал также незаурядными личными качествами. Это был оратор высокого класса, эрудит, равных которому было очень мало, искусный следователь, поражавший подсудимых логикой и убедительностью своих вопросов и доводов. Таким образом, руководство партии и Советского государства поручило обвинение человеку с огромным опытом прокурорской работы, которого трудно было обвинить в предвзятости по политическим мотивам и в личном плане».

А.Я. Вышинский отличался великолепным самообладанием, очевидной беспринципностью и почти демоническим артистизмом. Вот, скажем, он допрашивает троцкиста В. Ольберга, направленного в Советский Союз лично Л.Д. Троцким. Выясняется вопрос о связях Троцкого с немецкими национал-со-

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1930 год
НА ЖУРНАЛ
НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

ОРГАН НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПРОСВЕЩЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ
ПОЛИТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВЫХОДИТ 1 РАЗ В ДВЕ ДЕКАДЫ

Ответственный редактор **М. С. ЭПШТЕЙН**
РЕДАКЦ. КОЛЛЕГИЯ: Алексинский М. А., Гартман А. А., Гинзбург Э. Н.,
Лукин Э. Б., Любимова С. Т., Сагал, Ширямов А. А., Шохин А. П.

В 1930 г. журнал будет освещать вопросы народного образования в связи с осуществлением пятилетнего плана социалистического строительства.

Будет вести борьбу за усиленные темпы культурного строительства.

Особое внимание уделил вопросам введения всеобщего обучения, ликвидации неграмотности и вопросам подготовки кадров.

В 1930 г. журнал развернет широко самокритику, откроет яростный огонь против бюрократизма, расхлябанности в аппаратах народного образования, против мечутного отношения к запросам рабоче-крестьянских масс.

Особое внимание уделил вопросам культурного обслуживания рабочих районов, колхозов и совхозов.

Журнал будет вести борьбу за четкую классовую линию в деле народного образования.

Будет вести борьбу с искажениями классовой линии на культурном фронте.

Будет вести борьбу за интернациональное и антирелигиозное воспитание в культурно-просветительных учреждениях и школах.

Журнал будет содействовать вовлечению общественных резервов (комсомола, профсоюзов, секций советов по народному образованию и др.) в борьбу за осуществление культурной пятилетки.

Большое внимание журнал уделил организации социалистического соревнования.

В 1930 г. журнал организует ряд смотров работы ОНО по поднятию урожайности, по культурному обслуживанию рабочих районов, колхозов, совхозов и др.

В журнале принимают активное участие деятели народного образования центра и мест, педагоги и сотрудники научных учреждений.

В 1930 г. журнал привлечет к сотрудничеству также наиболее активных работников культотделов профсоюзов, секций советов по народному образованию, комсомола и других общественных организаций.

Журнал рассчитан на командный состав по народному образованию, работников тех ведомств, которые соприскасаются в своей работе с вопросами политики и организации народного просвещения, членов секций советов по народному образованию, а также на актив культурных работников, партийных и профсоюзных организаций.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 11 руб.
на 6 мес. 6 руб.
на 3 мес. 3 р. 30 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва-центр, Ильинка, 3, Периодсектор Госиздата, тел. 4-37-19; Ленинград, пр. 25 Октября, 29, Ленотгиз, тел. 5-48-08. В отделеми, магазинах и kiosки Госиздата, уполномоченными, снабженными специальными удостоверениями; во все kiosки Союзпечати; во все почтово-телеграфные конторы; в tanks писемосцям

Место для наклеивания наклеек.

циалистами: «*Вышинский*. Связь германских троцкистов с германской полицией — это была система? *Ольберг*. Да, это была система и это было сделано с согласия Троцкого. *Вышинский*. Откуда Вам известно, что это было с ведома Троцкого? *Ольберг*. Одна из этих линий была лично моя. Моя связь была организована с санкции Троцкого. *Вышинский*. Ваша личная связь с кем? *Ольберг*. С фашистской тайной полицией. *Вышинский*. Значит, можно сказать, что Вы сами признаёте связь с гестапо? *Ольберг*. Я этого не отрицаю. В 1933 году началась организованная система связи немецких троцкистов с немецкой фашистской полицией».

В нашу социальную мифологию прочно вошли ярко характеризующие эпоху 30-х годов в юриспруденции афоризмы Вышинского вроде «Признание — царица доказательств». И на внешнеполитическом поприще Вышинский запомнился непробиваемым упорством в следовании директивам начальства — Сталина и Молотова. Когда ему приходилось менять свою точку зрения из-за перемен в планах начальства, он делал это с филигранно отработанным спокойствием, на зависть всем дипломатам.

В нашем журнале А.Я. Вышинский выступал неоднократно. Кроме упомянутой статьи «Контрреволюция перед судом пролетарской общественности», внимания заслуживает и публикация во втором номере «Коммунистического просвещения» за 1931 год — грозная статья «Социалистическое строительство и борьба за качество кадров».

2

К 1930 году вокруг главного редактора «Народного просвещения» образовался круг постоянных авторов, сотрудничающих в журнале с первой половины двадцатых годов. Это И.А. Перель, М.М. Пистрак, Я. Бауэр, В.Г. Рудницкий и некоторые другие. В редакционную коллегию, кроме ответственного (главного) редактора М.С. Эпштейна, в 1929–1930 годах входили М.А. Алексинский, А.А. Гартман, З.Н. Гинзбург, Э.Б. Лунин, С.Т. Любимова, Сегал (предпочитал фигурировать без инициалов), А.А. Ширямов, А.П. Шохин. Разумеется, в журнале постоянно публиковались и Бубнов, и Крупская, но они редко писали специально для журнала. Постоянные попытки этого круга идти в фарватере меняющегося официального направления всё чаще бросались в глаза и читателям, и руководителям. Кардинальные перемены точек зрения казались неприличными. С начала 1931 года круг постоянных авторов журнала начал медленно, но верно меняться, как менялась и правящая элита. С «отработанным материалом» поступали жестоко — по законам гражданской войны. Вместе с прежними авторами из журнала уходил аромат 20-х годов, который нелегко было согласовать с ритмом «великих строек».

В преддверии перемен, кардинально изменивших положение дел с программами школьных дисциплин, в журнале развернулась дискуссия о школьных программах, начатая статьёй М.М. Пистрака «Какими должны быть программы школы» (М.М. Пистрак писал на эту тему для нескольких номеров журнала в 1930-м). Конечно, по мере выхода постановлений участникам дискуссий оставалось только приступить к выполнению партийных директив, и споры теряли смысл. Но всё-таки публичные дискуссии велись. Кстати, о Мойсее Михайловиче Пистраке (1888–1937) нужно сказать особо: он был одним из наиболее интересных педагогов, сотрудников Наркомпроса и авторов нашего журнала в первое послереволюционное десятилетие. Выходец из небогатой семьи польских евреев, он начал педагогическую деятельность в частных школах Варшавы ещё в первое десятилетие XX века. Накануне Первой мировой войны М.М. Пистрак окончил физико-математический факультет Варшавского университета. В университете он сближается с революционерами, а в годы немецкой оккупации бежит из Польши в центральную Россию. После революции его, получившего ранний опыт в методике преподавания математики и физики, вводят в штаб образовательной реформы — Наркомпрос. В это время в окружении А.В. Луначарского, как известно, оказалось немало новичков в педагогике — случайных людей, которые призывали к полному разрушению традиционной школы и замены её коммунами. Моисей Михайлович, как это и подобало образованному человеку и профессиональному педагогу, был

далёк от радикализма. Именно осторожность и взвешенность позиции позволили ему при очередном повороте образовательной политики оказаться в элите управления образованием. На протяжении 20-х годов Пистрак занимает ответственные посты в Наркомпросе, становится самым авторитетным методистом РСФСР... В первой половине 20-х годов он руководит опытно-показательной школой-коммуной имени П.Н. Лепешинского — одним из лучших учебных заведений того времени. Работа Пистрака в школе имени П.Н. Лепешинского неизменно оказывалась в центре внимания педагогической общественности. Тогда же он становится желанным автором журнала «Народное просвещение».

В 1925 году М.М. Пистрак возглавил такие важные органы в Наркомпросе, как Программно-методическая подсекция и Комиссия по школе II ступени. По существу, в его руках оказалась разработка всего комплекса содержания образования. Современный исследователь пишет о Моисее Михайловиче: «Было бы большим преувеличением считать его крупным теоретиком, да и теоретиком вообще. Но он являлся, несомненно, талантливым организатором, писал много и достаточно ясно, даже незатейливо». Да, это был человек, мобилизованный эпохой, оказавшийся в нужное время в нужном месте. Он был педагогом по призванию.

М.М. Пистрак

В конце 20-х годов Пистрак выдвигается в число наиболее видных специалистов по политехническому образованию — магистральному для тогдашней советской педагогики. В понятие «политехническое образование» он включал не только производственно-технические знания, умения и навыки, но и качества личности, соответствующие потребностям индустриального производства. Экскурсы в психологию взрослых и детей занимают видное место в теоретических сочинениях М.М. Пистрака. В 30-е годы его наработки превратились в «факультет ненужных вещей». Новая идеологическая реальность требовала переосмысления взглядов. Это был болез-

ненный, вынужденный процесс. Статья М.М. Пистрака «Какими должны быть программы школы» отражала эволюцию (во многом вынужденную) взглядов автора. В 1931–1936 годах он служит профессором, а затем и ректором Северо-Кавказского пединститута. В те годы теоретическая работа М.М. Пистрака не прерывается. В 1934 году выходит в свет его учебник «Педагогика», отвечающий требованиям новых партийных директив об образовании. Учебник вписывался в официоз 30-х годов и, кроме того, как отмечают и современные исследователи, был написан толково и занимательно. Особое внимание автор учебника «Педагогика» уделил истории своей науки — вопрос педагогических традиций в 30-е годы стал одним из актуальных. Поклонник психологической науки, М.М. Пистрак рассуждал в учебнике и о методах стимуляции в обучении. Учебник получил одобрение специалистов и начальства. Вскоре М.М. Пистрак снова переезжает в Москву, где на волне популярности своего учебника становится директором Центрального института педагогики. В сентябре 1937 года в ходе чистки Наркомпроса его арестовывают и вскоре расстреливают. Это весьма характерная судьба ряда авторов нашего журнала. И обыкновенная история «детей революции» всех времён и народов.

В отличие от А.В. Луначарского А.С. Бубнов нечасто занимался теоретизированием, не рассуждал на историко-культурные темы и вообще не был литератором. Но в журнале «Коммунистическое просвещение» нередко появлялись его произведения — в основном риторического жанра: речи, доклады, ответы на актуальные вопросы времени. А.С. Бубнов, разумеется, был наиболее приближённым к партийной элите работником Наркомпроса — даже Н.К. Крупская в эти годы не имела большого влияния на партийную жизнь страны. И наш журнал нередко открывался с доклада Бубнова на том или ином партсовещании. Так подчёркивался авторитет наркома, да и содержание каждого доклада задавало немало работы всем работникам образования.

Одна из самых знаменательных и объёмных публикаций А.С. Бубнова состоялась в 1936 году, после памятной директивы ЦК. Это был пространный (на 37 журнальных страницах) доклад на

пленуме Совета при наркоме просвещения РСФСР «Восстановить полностью в правах педагогику и педагогов». Симптоматично, что это важнейшее выступление А.С. Бубнова отнюдь не открывало журнал. 1936 год — год усиления культа личности вождя, и двоянный пятый-шестой номер «Коммунистического просвещения» открывает Письмо пленума Совета при наркоме просвещения товарищу Сталину, затем идёт анонимная реплика под красноречивым названием «Докатились» (такие публикации всегда являлись буревестником чисток), затем (!) целая рубрика из трёх статей «Пятидесятилетие Серго Орджоникидзе» и только после биографического очерка о несгибаемом товарище Серго — программная речь наркома А.С. Бубнова. По этим признакам уже можно было определить зыбкость положения наркома. Никогда прежде программная многостраничная речь главы Комиссариата просвещения не публиковалась с такой композиционной скромностью: после рубрики о юбилее Орджоникидзе! И это символично: ведь именно Орджоникидзе был одним из столпов индустриализации 30-х годов, как Бубнов — символизировал культурную революцию. Да только, видно, отведённое им историей время истекало. Бубнов цеплялся за постановление ЦК, был как никогда красноречив, клялся именем Сталина, призывал к научности обучения, к большей основательности, к традиционной школе Кошанского (как, кстати, и другой автор этого номера — Н.М. Головин, опубликовавший свою речь на пленуме под заглавием «Учите ребёнка, хорошо его зная»), к повышению образовательного уровня педагогов. Призывал, но сведущим людям новая риторика Бубнова напоминала последние речи Дантона. Другим комментатором партийного постановления стала в журнале М.П. Орахелашвили. Её статья «Постановление ЦК ВКП(б) в действии» шла сразу после бубновской речи.

М.П. Орахелашвили

В середине 30-х годов произошли очередные изменения в руководстве журнала. Увольняется А.С. Самохвалов — и главным редактором впервые за 130-летнюю историю нашего издания становится женщина, Мариам Платоновна Орахелашвили (урождённая Микеладзе) (1887—1938), бывший нарком просвещения Грузинской ССР. Её муж Мамия Дмитриевич Орахелашвили (1881—1937) был известным большевиком, членом ЦК партии, возглавлявшим правительство Закавказской СФСР, а затем почти десятилетие (1923—1932) — заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров. Как и многие грузинские большевики, М.Д. Орахелашвили увлекался теоретизированием, любил выступать с публичными воспоминаниями о революционной молодости, в изложении обстоятельств которой между ним, Эриком Бедия, Лаврентием Берия и другими возникало немало споров. М.Д. Орахелашвили выпустил несколько любопытных книг («Путь грузинской жиронды», «Закавказские большевистские организации в 1917 году» и другие). С 1932 года Мамия Дмитриевич Орахелашвили занимался научной работой. Успел он побывать и заместителем директора Института Маркса — Энгельса — Ленина, входил в руководство Наркомпроса. Кстати, именно М.Д. Орахелашвили снабжал Анри Барбюса велеречивыми воспоминаниями о молодости Сталина.

Семья Орахелашвили была хорошо известна в большевистских кругах. Несмотря на видимую опалу (М.Д. Орахелашвили в 1933 году не был избран членом ЦК), на них падал отблеск лучей давней дружбы со Сталиным. И мало кто мог предсказать скорый конец семьи Орахелашвили: Мамия Дмитриевич был расстрелян в 1937 году, а Мариам Платоновна скончалась в заключении в 1938-м. В 50-е годы они были посмертно реабилитированы.

На посту главного редактора Мариам Платоновна Орахелашвили взялась за очередную перестройку журнала. В штаб руководства «Коммунистическим просвещением» вошли заместитель редактора Г.С. Прозоров, ответственный секретарь Н.Л. Тагер и технический редактор В. Якунина.

Журнал политизировался. Как и в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в годы Первой мировой, в «Коммунистическом просвещении» стали появляться публикации по актуальным проблемам внешней политики. Новая рубрика «За рубежом» пестрела статьями о горящей Испании и, конечно, не только об испанском образовании... Авторы журнала убеждённо рассуждали о том, как спасительный советский опыт помогает коллегам-педагогам во всём мире, как трудовые массы тянутся к

просвещению в трактовке «лучшего друга педагогов». Пропагандистские фантазии в этих статьях сочетались с реальным положением вещей. Политика и идеология Советского Союза пользовалась в то время высоким авторитетом в мире (разумеется, не у правящих элит) и в каждой стране находились десятки и сотни тысяч людей, симпатизировавших Советскому Союзу, веривших в коммунистическое будущее. Немало таких людей было и среди педагогов. В Испании учителя тайком зачитывали в благодарных аудиториях сочинения Ленина, Сталина, Троцкого, рассказывали о чудесной стране — Советском Союзе. Это было и в годы великой депрессии, и в годы фашистской реакции в Европе. Советский опыт массового просвещения действительно стал примером для миллионов людей.

В течение 1936 года «Коммунистическое просвещение» выходит под руководством М.П. Орахелашвили и казалось, что его направление вполне отвечает тогдашним нуждам просвещения, соответствует политике партии и правительства. Но это было тяжёлое время для Наркомпроса, и в 1937 году журнал перестал выходить — значительная часть его сотрудников и авторов угодила в заключение.

Ещё одна новая рубрика, появившаяся в первые месяцы работы М.Д. Орахелашвили в журнале, — «Разоблачить до конца лженауку — педологию». Актуальность этой рубрики определялась кампанией против педологии, которую активно и с перехлёстами проводило партийное руководство. В статьях профессора Шимбирёва «Критический анализ учебника педологии Блонского», С.М. Ривес «Как «теоретики» педологии объясняют причины неуспеваемости», Е.О. Зейлингер «Путь ошибок

и извращений» авторы не жалели ярлыков для апологетов педологии. В той же рубрике публиковались статьи, служившие образцами истинной педагогики, её ценностей, её опыта: «Советская психология на новом этапе» В.Н. Колбановского, «Урок в советской школе» И.Н. Казанцева, наконец, знаковая статья С.А. Гамалова «О подготовке к пушкинскому юбилею». Да, пришла пора осваивать классическое наследие. И как архитектура академика Жолтовского отличалась от конструктивизма Весниных и Мельникова, так и новая «старая» педагогика, поместившая на

Взбесившихся собак надо расстрелять!

Слушай, товарищ! Ты же видишь, как взбесились эти «интеллектуалы» и «педагогические теоретики»! Они хотят расстрелять Сталина! Мы должны их расстрелять! Мы должны их расстрелять! Мы должны их расстрелять!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (Большевики)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МН ВКП(б)

МОСКОВСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ АКТ

великому вождю коммунизма, любимому другу, отцу и учителю трудового народа

товарищу Сталину

Решено: всем членам партии и комсомольцам немедленно выдать этот листок и читать его вслух. Читать его надо в каждой квартире, в каждой школе, в каждой организации. Читать его надо в каждой квартире, в каждой школе, в каждой организации.

Закончился процесс троцкистско-зиновьевского центра.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза Народов нашей великой родины: ПОДЪЕЗДЫ ЗИНОВЬЕВСКИЕ УБИЙЦЫ. ПРОДАВШИ ПРИГОВОРНЫ К РАССТРЕЛУ.

Рабочие ночных смен с полным единодушием приняли этот листок.

СОДЕРЖАНИЕ	
	Стр.
Памяти С. М. Кирова	3
Предатели повели заслуженную кару	—
Передовая — Семидесять годовщина Октябрьской социалистической революции	16
О дисциплине и воспитательной работе в школе (приказ наркома по просвещению РСФСР)	22
Романов Г. П. — К пятидесятилетию ленинского декрета о ликвидации неграмотности	28
Кон Ф. Я. — Музеи в СССР	41
Орлов М. Н. — Университетское образование к XVII годовщине Октября	44
С. Т. Шацкий	55
Панифидов В. Н. — Планирование кадров культурного строительства	57
Веселов М. О. и Попов К. Н. — Методика построения сети школ семилетнего всеобщего обучения	78
Курьяндский М. — Больше внимания иностранным языкам	89
Новоселов — О сущности и о структуре урока в педагогическом техникуме	94
Толстов А. С. — Чего мы добились	101
За рубежом	
Зилберфарб И. — Школа и педагогика фашистской Германии	105

П Р И Г О В О Р

Суда Союза Советских Социалистических Республик Верховного Суда СССР и в составе составленного — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР — тов. НИКИТЧЕНКО И. Т. — Большим вердиктом 1-го разряда тов. РОСВОНКО государственного обвинителя Прокурора Союза ССР — тов. КУРЯНДСКОГО и государственного обвинителя Прокурора Союза ССР — тов. КУРЯНДСКОГО.

свои знамёна портреты Пушкина, Ломоносова, Маяковского и Горького, представала теперь в respectableм виде — всемогущей наукой, опирающейся на многовековую традицию. Перегибы прошлых лет в ниспровержении классики сменились новыми перегибами. На этот раз — во имя классики.

Под руководством М.П. Орахелашвили журнал выходил недолго. Но некоторые тенденции этого краткого периода важны для определения магистрального направления советской культуры в конце 30-х годов. Журнал «Коммунистическое просвещение» 1936 года очень отличался от «Народного просвещения» 1927–1930 и «Коммунистического просвещения» 1931–1935 годов. Теперь он скорее напоминал своего старинного предшественника — «Журнал Министерства Народного Просвещения» времён редакторов Георгиевского и

Васильевского... Впервые после Гражданской войны — времени, когда Луначарский и Лебедев-Полянский по инерции поддерживали некоторые дореволюционные традиции журнала, — в «Коммунистическом просвещении» стали появляться научно-популярные статьи и профессорские сообщения, не связанные напрямую со злобой дня и коммунистической идеологией. Если вернуться к воспоминаниям академика Д.С. Лихачёва, о которых мы рассказывали в предыдущей главе, то, по его убеждению, это были не «красные», а «старые» профессора. «Старые» не по возрасту, а по отношению к науке, в которой было больше основательности и меньше революционного задора (говорим о последнем без всякой иронии, ибо он стал локомотивом многих научных открытий). Значительная часть таких публикаций была связана с освоением классического наследия, с реабилитацией, прославлением и изучением опыта великих людей России — Суворова, Менделеева, Ушинского, Ломоносова, Пушкина. Приближался 1937 год и особенно актуальным стал образ Пушкина: требовалось очистить его от ярлыков, которыми награждали великого поэта приверженцы «вульгарно социологического» подхода к истории литературы.

Юбилей Пушкина был отмечен с общенародным размахом в 1937 году. Это была годовщина смерти, но её почему-то назва-

ли юбилеем. Впрочем, эта традиция восходит к дореволюционным временам. Юбилей с наглядностью показал перемены в государственной идеологии, в идеологии образования: титаны старой культуры возвращались на пьедесталы, только теперь изучение их творчества стало массовым.

Пушкин шёл к народу, Пушкина к народу вели изощрёнными средствами государственной программы. Эти популяризаторские программы у многих вызывают скептическую усмешку, мы же считаем пушкинский праздник 1937 года ярким событием, благотворно повлиявшим на развитие народного образования. Ведь советская классическая школа создавалась как новое, творчески осмысленное явление. Мёртвые языки, античная культура, закон Божий — эти дисциплины не вписались в её концепцию. А ведь они составляли основу уваровского и толстовского классицизма!

Советская школа после реформ 30-х годов давала знания о мире и человеке с марксистских позиций. Ведущую роль идеологических предметов играли общественные науки. На повышение интеллектуального уровня учащихся, на подготовку будущих студентов и учёных, квалифицированных

«Пушкин в Петербурге»
Худ. К. Петров-Водкин. 1938 г.

«Натюрморт с маской Пушкина»
Худ. В. Фаворский. 1938 г.

рабочих и военных работали программы изучения русского языка, литературы, родного языка, физики, математики. Для осуществления такого масштабного строительства нужно было опереться на плечи титанов. И к школьнику пришли Пушкин и Ломоносов, Ленин и Сталин, Маркс и Дарвин, Галилей и Менделеев, Ньютон и Толстой... Да, но при этом были выхолены достижения «школы жизни», в ложном положении оказались исследователи и пропагандисты наследия А.С. Макаренко. В науке необходимо чередовать консерватизм и революционные порывы, статику и динамику. Только их чередование рождает прочное, надёжное движение вперёд. Другое дело, что, конечно же, не стоит сопровождать смену стилей погромными акциями и физическим устранением идейных противников. Да, высокую, очень высокую цену пришлось заплатить в 30-е годы за существенные достижения отечественной дидактической педагогики.

Юбилей Пушкина 1937 года... Для А.С. Бубнова этот праздник стал, по существу, последним громким мероприятием, в котором он участвовал как застрельщик, как основной проводник воли партии. 1937 год дал толчок развитию нашей пушкинистики и, что очень важно, задал тон в активизации массовых переизданий Пушкина и изданий популярных книг, посвящённых жизни и творчеству поэта. Современные снобы могут сколь угодно клеймить пушкинский праздник, помяная «чёрную магию тридцать седьмого года», но из истории нашей культуры не выбросишь тот факт, что советское общество обрело тогда всенародного поэта, всенародного корифея — Александра Сергеевича Пушкина. Конечно, на этом пути было неизбежно некоторое опрощение пушкинского образа — но, если эту цену нам нужно было заплатить за появление всенародного культурного феномена, мы не переплатили. Мы говорим «всенародный», поскольку Пушкин с тех пор пришёл в каждую школу и в каждый дом. Сейчас, огрублённо калькируя иностранный язык, мы называем Пушкина «национальным» поэтом и ищем «национальную» идею. В 30-е годы было в ходу слово «всенародный» — и оно куда более ёмко выражает смысл интересующих нас явлений. Кстати, и английское *national* корректней переводить на русский как «народный», «всенародный». К национальности это английское слово отношения не имеет, оно выражает широкую гражданскую общность — «от и до». Наше могучее слово «всенародный» отлично сочетается с судьбой образа А.С. Пушкина в СССР после 1937 года.

А.С. Бубнов был уверен, что Пушкин нужен школе и нужен журналу. И «Коммунистическое просвещение» активно публиковало статьи о Пушкине, о подготовке к пушкинскому юбилею. В журнале появилась историко-культурная рубрика, посвящённая юбилеям выдающихся деятелей отечественной литературы и педагогики. В 1–2 номерах за 1936 год к столетию со дня рождения Н.А. Добролюбова появилась статья профессора А.П. Пинкевича «Педагогические взгляды Н.А. Добролюбова». Такие публикации придавали журналу основательность, но в целом «советский классицизм» в то время был ещё в младенчестве, и его расцвет пришёлся уже на 50–70-е годы, когда классики и современники, постоянно присутствовавшие на страницах журнала «Народное образование», обеспечили и отразили «цветущую сложность» советской эпохи.

Главным, не померкшим в десятилетиях, достижением наркома А.С. Бубнова была его работа по внедрению всеобщего среднего образования, всеобщей семилетки. В проведении подобной — амбициозной и сложной — программы была необходима железная рука непреклонного исполнителя воли высшего руководства. Ведь Сталин провозгласил, а Лебедев-Кумач воплотил в словах песни идею, что «за годы» нужно сделать «дела столетий». А.С. Бубнов был настоящим энтузиастом культурной революции. Курс на «всеобщее среднее образование» был заявлен ещё при Луначарском. Анатолия Васильевича уже в конце 20-х годов начали критиковать за нерешительность в проведении этой программы. По мнению ряда современных исследователей, в неторопливости Луначарского был свой резон: наш первый нарком, неплохо знавший историю Французской революции с её календарями и мистериями, выжидал, пока отсеется то наносное, что привносит в науку каждая революция. Но государство, готовившееся доказать свою жизнеустойчивость в холодных и горячих войнах, не могло ждать. Было решено вводить образовательные программы в самом интенсивном темпе. В канун индустриализации правительство особенно спешило. Бубнов осуществил подготовку к введению всеобщей семилетки, но воплотить эту программу во всей стране он не успел.

XVIII съезд ВКП(б) принял решение «Об осуществлении всеобщего семилетнего обучения и развитии среднего образования в третьей пятилетке». Ещё не завершилась работа съезда, как Народный комиссариат РСФСР спланировал открыть целый ряд новых учительских институтов в тех регионах, где ощущалась острая нужда в квалифицированных педагогических кадрах. А.С. Бубнов ещё успел поручивать этими поворотными для всей нашей страны программами до 1937 года, но его положение в правительстве и в партийной элите уже было шатким. 1 августа 1938 года А.С. Бубнов был расстрелян. Окончательное выполнение решений XVIII съезда пришлось на время правления преемников наркома А.С. Бубнова — П.А. Тюркина и В.П. Потёмкина.

Что мы можем сказать об административном стиле работы Андрея Сергеевича Бубнова? Особую активность нарком проявил при создании обязательной начальной школы. Начало осуществления всеобщего семилетнего образования; проведение реформы содержания учебно-воспитательной работы школы; разработка учебных планов и программ — всё это отбирало его собственные силы, оборачивалось нервным напряжением сотрудников Наркомата. Но Бубнов никогда не забывал о тех, для кого он работал, — об учителях. Н.К. Крупская писала: «Мало знать людей, иметь общие организационные навыки — надо знать в совершенстве данную область работы, только тогда можно её правильно распределять, учитывать, контролировать» (из статьи «Система Тэйлора и организация работы советских учреждений»). А.С. Бубнов, безусловно, следовал этому золотому правилу. Он последовательно стремился увеличивать зарплату педагогам. При А.С. Бубнове были введены почётные звания (в те времена — действительно почётные, то есть окружённые всеобщим почётом), регулярно проводились награждения заслуженных учителей государственными наградами. Как пелось в тогдашней песне, «Руки женщин ведут паровозы сквозь тундру, // Орден Ленина носят поэт и пастух!». Это мотивировало. Рождался большой стиль эпохи, в котором школа и просвещение занимали должное место.

Пять лет — с 1931 по 1936 год — под руководством А.С. Бубнова проводилась программа по введению всеобщего обязательного начального образования. Эта кампания прошла успешно. Конечно, журнал «Коммунистическое просвещение» не оставался безучастным к этим процессам. Но политическая ситуация и курс Наркомпроса менялись так быстро, что программные статьи устаревали за полгода. Так, в № 5 за 1930 год опубликована директивная по стилю статья Н.К. Крупской «Новые методы и единый план культурной работы». В тезисах статьи Надежда Константиновна постаралась приблизиться к актуальным проблемам тех лет: «Мы переживаем время, когда, по выражению Владимира Ильича, мы «с лошади крестьянской, мужицкой, обнищавшей» стали пересаживаться «на лошадь» крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». Говорила она и о комплексной работе школ, изб-читален, пионерской и комсомольской организаций, о слаженности разных кампаний Наркомпроса, которые все должны быть направлены на упрочение социалистического уклада в стране.

Передовая статья того же номера журнала, выражавшая официальную точку зрения Наркомпроса и лично А.С. Бубнова, вскоре устарела ещё больше. В этой передовой 1930 года с громким названием «Реформа средней школы» и речи не было об «учебной школе». Многообразие путей развития школы описывалось следующим образом: «Средняя школа должна будет строиться на производственной основе, точно так же, как и вся система народного образования должна будет начать перестраиваться с территориального на производственный принцип. Это есть та цель, которую мы должны иметь перед собой уже в настоящее время. В вопросах реформы средней школы так же, как и в перестройке всей системы народного образования, необходима будет более твёрдая и последовательная борьба на два фронта. Две опасности стоят на пути в этом деле. С одной стороны, попытки узаконить и выдать голое ремесленничество за политехнизм, попытки смазать общее и политехническое образование во всей системе подготовки кадров — это один фронт борьбы, и с другой стороны — попытки выдать за политехническое образование ничего общего не имеющее с ним словесное обучение, оторванное от производства. Ни то, ни другое ничего общего не имеет с принципами построения школы на основах марксизма-ленинизма».

Это позиция 30-го года, позиция первого периода образовательной реформы, последовавшего после отставки А.В. Луначарского. Очевидно, что публикация подобной передовой в 1935 году уже была невозможна, а в 1936 году её бы восприняли как вражескую диверсию, как государственную измену! Так быстро менялись идеологические и методические стереотипы.

Передовая статья П. Григорьева, вышедшая в 9-м номере «Народного просвещения» за 1930 год, называлась боевито: «В большевистское наступление». Статья была посвящена XVI съезду партии и задачам органов народного образования. Автор козыряет именами И.В. Сталина, А.А. Андреева, Л.М. Кагановича и А.С. Бубнова — именно эта обойма задавала тон на съезде в идеологических вопросах, связанных с просвещением: «Партия устами товарища Кагановича выдвинула лозунг культурной революции, подъёма культурного уровня, без чего невозможно продвижение к социализму, наряду с лозунгами индустриализации и коллективизации», — пишет Григорьев.

Предыдущий, двоянный 7–8-й номер журнала открывался публикацией речи А.С. Бубнова на XVI партсъезде 29 июня 1930 года. Бубнов в своей речи, не называя фамилии Луначарского, по сути дела, заклеил работу предшественников, не забыв и о «подрывной деятельности» Бухарина, Рыкова, Угланова и «рассыпавшегося на этой трибуне мелким бесом» Томского. Об образовательной политике в той речи Бубнова нет ни слова. На трибуне партсъезда он чувствовал себя в первую очередь старым большевиком, а не наркомом просвещения.

В том же номере журнала всеобучу посвящена обстоятельная статья П. Григорьева «Всеобщее обучение в РСФСР за период между XV и XVI партсъездами». В соответствии с духом времени Григорьев не только рапортует об успехах, но и клеймит тех, кто ошибался и вредил. Такой же жёсткой была и статья Л. Римского из Дятьковского района Брянской области о головоунытой деятельности горе-фундаторов Дворца культуры в Дятькове и эгоизме кооператоров, не помогающих клубной работе материальной базой. Автор гневно обличает: «Что же собой представляет прославленный дятьковский опыт, какова роль Дятьковского совета культуры? Совет культуры только раз заседал, до сих пор нет ещё плана работы, нет и следов каких-либо мероприятий по оздоровлению рабочего района, где пока пышным цветом распускаются хулиганство, халтура и махровые цветы самого низкопробного тред-юнионизма. Работы, творческого дела — никакого. Таков печальный «опыт» в Дятьково». Л. Римский бьёт в набат. Статья рассчитана на отклик руководящих товарищей, на «карательные меры». Сила журналистики советского периода была в результативных последствиях подобных проблемных статей. Можно не сомневаться, что товарищи из Брянщины ответили за своё безделье так, что мало никому не показалось.

Уже в 1936 году в «Послании Всероссийского совещания профессоров и преподавателей педагогических наук товарищу Сталину» звучали нотки покаяния и расставлялись акценты в проведении школьной реформы (или, если угодно, контрреформы):

«1) Пересмотреть с учётом последних данных практику массовой школы и педагогических учебных заведений, программы по педагогическим дисциплинам; 2) Создать полноценные учебные курсы по педагогическим дисциплинам для педагогических учебных заведений, преодолев в них глупую антиленинскую теорию отмирания школы; 3) Написать ряд

«А.М. Горький читает тт. Сталину, Молотову, Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть». Худ. А.Н. Яр-Кравченко. 1941 г.

МОНОГРАФИЙ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПЕДАГОГИКИ, МЕТОДИКИ, ПСИХОЛОГИИ И ПЕДОЛОГИИ НА ОСНОВЕ ШИРОКОГО ЖИВОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА;

4) Коренным образом перестроить постановку педагогической практики в педвузах, с тем чтобы она обеспечила студенту усвоение лучшего опыта школы и служила средством связи теории с практикой и овладения педагогическим мастерством; 5) Сделать каждый педвуз центром помощи школам для повышения квалификации массового учительства своего края или области путём организации разных курсов для учителей и улучшения системы заочного обучения; 6) Перестроить преподавание педагогики, обеспечив достаточное развитие у студента, интерес и любовь к педагогической деятельности, умение и навыки к самостоятельной и научно-исследовательской работе; 7) Пересмотреть тематику научно-исследовательской работы педагогических кафедр, с тем чтобы они установили живую связь со школой для изучения и обобщения практики работы передовых учителей и разрешили в ближайшее время ряд актуальных вопросов практики советской школы, подняв теорию педагогических наук на более высокую ступень; 8) Организовать экспериментальную работу в базовых опытных и образцовых школах по изучению различных методов и приёмов преподавания и воспитания на основе решений ЦК ВКП(б); 9) Принять все меры к рациональному использованию и укреплению материально-технической базы педагогических учебных заведений и научно-исследовательских институтов, как-то: лабораторий, кабинетов и других вспомогательных учреждений. *Сознавая всю ответственность взятых на себя обязательств, мы даём обещание поднять нашу высшую школу и теоретическую работу в области педагогики на уровень, достойный нашей великой Родины».*

«Рабфак идёт». Худ. Б. Иогансон

Открытка с Всемирной выставки в Париже в 1937 году. Павильон СССР

Заканчивая эту знаменательную публикацию, подписанная всеми участниками Совещания, ритуальным личным обращением к Сталину. Эти слова сейчас обладают скорее антикварной притягательностью, чем рабочим смыслом, хотя кто знает, как быстро наше общество способно сотворить себе кумира: «Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, наш вождь и учитель, товарищ и друг, всегда были и являетесь великим знаменем наших трудов и стремлений, целей и побед. Вы, гениальнейший из людей, мудрейший вождь, указываете нам дорогу, как сделать школу сильнейшим орудием «коммунистического перерождения общества», орудием организованного коммунистического воспитания». С таких писем и начинаются большие перемены. Для многих из подписавших обращения, включая главного редактора «Коммунистического просвещения», перемены оказались последними в жизни...

Непросто складывались отношения А.С. Бубнова со старой элитой советского Наркомпроса. О том, какая напряжённая обстановка порой сопровождала деятельность наркома, свидетельствуют воспоминания Лидии Подгуг, в то время — корреспондентки газеты «Пионерская правда»: «На протяжении нескольких лет я по заданию редакции ходила в здание Наркомпроса РСФСР на Чистопрудном бульваре, присутствовала на заседаниях коллегии. Наркомом в ту пору был Андрей Сергеевич Бубнов, сменивший на этом посту Луначарского. Бывало, придёшь в зал коллегии — сидит один Бубнов, а все опаздывают. Он смотрит на часы, сердится. Надежда Константиновна казалась мне старой-престарой. Ходила тяжело, видела плохо. А Бубнов солдафонистый был, позволял себе на неё покрикивать за опоздание». Между тем Н.К. Крупская оставалась одним из самых влиятельных сотрудников Наркомата. А умерла Надежда Константиновна в феврале 1939 года, пережив правление А.С. Бубнова на полтора года.

3

То были годы переломов, годы жестокого, хирургического лечения государственного организма. Годы становления классической советской культуры, возникшей как своеобразная антитеза революционному авангарду и как реванш старой российской культуры. Официальный орган Наркомпроса, научно-популярный журнал, предназначенный для педагогов и университетских преподавателей, для работников образования и культуры, всегда находился в центре всех переломов.

Ломались не только послереволюционные устои, ломались судьбы людей. Из авторов и сотрудников нашего журнала первого послереволюционного десятилетия очень немногие умерли своей смертью, а те, кто избежал тюрьмы и расстрела, как Покровский и Марр, были морально уничтожены по-смертно. Из завоеваний Октябрьской революции устояли только принципы социального, полового и национального равенства, смыслу которых Советский Союз в течение десятилетий учил весь мир. И вот теперь, в XXI веке, американцы учат нас политкорректности, созданной, по сути дела, на советском материале. Остался и пропагандируемый силами государства (и прежде всего в школе!) атеизм. Но и его цветы увядали. Атеистическая кампания звучала всё тише, всё большее уважение к святыням (воспринимаемым, конечно, только как историко-культурные святыни) проявлялось в наших учебниках и в самом массовом из искусств — в кино. Академизм, респектабельность, консерватизм — эти слова звучали камертоном и в средней и — в особенности — в высшей школе. Выдающиеся успехи советской науки в послевоенные годы свидетельствовали о том, что выбранный в 30-е годы курс был своевременным и антитеза всепобеждающему авангарду была необходима. Учебная школа, овеянная авторитетами европейских рационалистов и русских просветителей, приносила свои плоды, и о разнообразных жертвах вспоминать не хотелось.

Очень выразительный факт: незадолго до своей гибели нарком А.С. Бубнов обнародовал новую сталинскую концепцию отношения к истории России. Случилось это в январе 1937 года, на заключительном заседании жюри конкурса на школьный учебник истории. Бубнов с привычной обстоятельностью сообщил собравшимся о новых установках Сталина, согласно которым, например, присоединение Украины к России следовало рассматривать как результат правильного выбора украинского народа. Теперь Переяславская Рада провозглашалась великим торжеством исторической справедливости, в результате которой восстановлено «единоверное государство», что было бы невозможным в случае поглощения Украины Польшей или Турцией. В советской историографии укоренялся новаторский тезис о добровольном присоединении всех наций и народностей к России, как «воссоединение». Конечно, такое понимание истории царской России противоречило и концепции Покровского, и ленинским установкам. Сталин смело шёл на реставрацию имперского патриотизма, модернизированного, по сравнению с XIX веком, политикой интернационализма. Новые импульсы для развития получает детское искусство — литература, кино, театр, радио. Эта область оказалась очень притягательной для наших выдающихся талантов, искренне служивших миру детства. Да, в новой сталинской политике было и пространство для творчества, и огромное рациональное зерно (Сталин вообще был одним из наиболее последователь-

ных и изобретательных приверженцев рационализма в мировой истории). Может быть, Бубнов и стал бы верным проводником этой новой сталинской политики, но судьба распорядилась иначе.

В октябре 1937 года всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин подписал указ по наркомму А.С. Бубнову: «Снять с поста народного комиссара просвещения товарища Бубнова как не справившегося со своей задачей и систематически срывающего работу по просвещению, несмотря на колоссальную помощь со стороны органов советской власти». Деловая драматургия послереволюционного тридцатилетия не допускала «почётных отставок» влиятельных политиков: перестал устраивать руководство — плати жизнью. К тому же в предвоенное время Сталин стремился обострить общественное мнение, подхлестывая массовый энтузиазм и массовый страх. Да и борьба с противниками сталинского социализма от Троцкого до белой эмиграции велась в то время не только на страницах книг и журналов, но и по суровым законам террора, ставшего продолжением Гражданской войны. От сумы, от тюрьмы и от пули в затылок не приходилось зарекаться никому. Во второй половине 30-х правящей элите предстояло пройти через жестокую чистку. И 1937 год стал рубежом в истории нашего журнала. К счастью, это был не первый и не последний рубеж.

Одним из крупнейших процессов 1937 года было «дело Наркомпроса», в которое были втянуты до 2,5 тысяч работников среднего и высшего образования, сотрудников ведомства. Тогда-то и выпуск журнала «Народное просвещение» был приостановлен почти на десятилетие. Следствие получило показания против наркомма. Андрей Сергеевич признался во вредительской деятельности. 1 августа 1938 года приговор суда (смертная казнь) был приведён в исполнение. В 1956 году А.С. Бубнова реабилитировали: Хрущёв сохранил своё уважительное отношение к Наркомпросу, о чём не раз писал в своих воспоминаниях. Возобновлённый журнал тогда уже назывался «Народное образование».

Может быть, убеждённый коммунист А.С. Бубнов в свои последние часы утешался тем, что если не его жизнь, то его смерть теперь помогут делу коммунизма? Загадка. Не у каждого человека этическое чувство выдержит такую постановку вопроса, но отмахиваться от него и подходить к героям 30-х годов с современными мерками — напрасный труд. Изучая двухсотлетнюю историю нашего журнала, хочется снова и снова пожелать всем нам не модернизировать прошлое, не подходить к нему с «уставом» сегодняшнего дня. Тем более что и этот «устав», как и любой другой, — не навсегда...

История «Коммунистического просвещения» на этом завершилась. Нашему журналу, как и министерству, ещё предстояло возродиться. Но и в период с 1937 по 1946 год преемственность в истории журнала сохранялась. В это время при Наркомпросе выходил журнал «Советская педагогика». В Советском Союзе расширялось пространство научной прессы. Не прерывалась и традиция существования официального органа Министерства (Наркомата) просвещения. Количество периодических изданий, посвящённых проблемам средней и высшей школы, росло. И некоторое время проблема преемственности новых изданий с «Журналом Министерства Народного Просвещения» мало интересовала авторов и сотрудников педагогических журналов. Настоящее возрождение нашего журнала с очевидной опорой на полуторавековые (к тому времени) традиции началось в 1946 году, когда, после образования Министерства просвещения РСФСР, стал выходить его официальный орган — журнал «Народное образование». Можно проследить историческую аналогию между образованием журнала в 1803 году — после учреждения министерства и возрождением в 1946-м, опять-таки вслед за возрождением министерства.

